

УДК 17+316.752:130.2

<https://doi.org/10.17072/2078-7898/2024-4-516-526>

EDN: XZRWZX

Поступила: 11.03.2024

Принята: 27.06.2024

Опубликована: 27.12.2024

ПРОБЛЕМАТИКА ДЕФИНИЦИИ И СТАНОВЛЕНИЯ АНТИЦЕННОСТИ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Петев Николай Иванович

Владимирский государственный университет им. А.Г. и Н.Г. Столетовых (Владимир)

Данная работа связана с популяризацией феномена антиценности. Основная проблема: антиценность устанавливается как радикальная оппозиция ценности как явлению аксиологически положительному. Первая в подобной парадигме имеет не просто отрицательный характер, но «ценностно-уничтожающий», т.е. она преисполнена деструктивными тенденциями. Более того, она радикально отделяется от ценности, что дает возможность установить для нее автономию. Последнее же предполагает некую изоляцию антиценности от ценности, которая вызывает вопрос об их взаимоотношении. В такой парадигме возникает вопрос определения антиценности, а также проблематика ее отношения с ценностью. Основная цель: проанализировать возможность формирования дефиниции антиценности, которая будет иметь собственное основание, но вместе с тем не выходящее за рамки аксиологической сферы. Методология: в работе использованы диалектический, сравнительный, этический методы анализа, а также метод моделирования. В данной статье возможность дефиниции антиценности анализируется в парадигме ее отождествления с лишенностью и условием, используя дуалистический и диалектический принципы, а также экзистенциальную перспективу. Кроме того, в работе рассматривалась модель радикальной автономии антиценности. В результате сформулированы определенные выводы: 1. Диалектический принцип не позволяет сформировать понятие антиценности, т.к. в результате развития происходит становление именно ценности. 2. Рассмотрение антиценности как лишенности приводит к прямой зависимости от ценности, исключая тем самым автономию первой. 3. Анализ антиценности как условия также выявляет ее зависимость от ценности. 4. Модель радикальной автономии показывает свою несостоятельность для формирования дефиниции. 5. Дуалистический подход не только не решает вопрос определения антиценности, но и, наоборот, вызывает еще больше проблемных моментов. 6. Экзистенциальный подход выявляет избыточность, чрезмерность и безосновательность ввода антиценности в систему.

Ключевые слова: ценность, антиценность, бинарная оппозиция, автономность, лишенность, диалектика, дуализм, родо-видовое соотношение, дефиниция.

Для цитирования:

Петев Н.И. Проблематика дефиниции и становления антиценности: методологический аспект // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2024. Вып. 4. С. 516–526.

<https://doi.org/10.17072/2078-7898/2024-4-516-526>. EDN: XZRWZX

THE PROBLEM OF DEFINING AND FORMATION OF ANTI-VALUE: A METHODOLOGICAL ASPECT

Nikolai I. Petev

Vladimir State University named after Alexander and Nikolay Stoletovs (Vladimir)

The paper is related to popularization of the phenomenon of anti-value. The main problem of the article is defining anti-value as a radical opposition to value being an axiologically positive phenomenon. In such a paradigm, the former is not just negative but «value-destroying», that is, it is full of destructive tendencies. Moreover, it is radically separated from value, which makes it possible to establish autonomy for it. This implies a certain isolation of anti-value from value. In such a paradigm, there arises a question of defining anti-value as well as the problem of its relationship with value. The study aims to analyze the possibility of formulating a definition of anti-value having its own basis but at the same time not going beyond the axiological sphere. The author employs dialectical, comparative, ethical methods of analysis along with the modeling method. The possibility of defining anti-value is analyzed in the article within the paradigm of its identification with deprivation and condition, with the use of the dualistic and dialectical principle in conjunction with an existential perspective. In addition, the paper considers the model of radical autonomy of anti-value. The author comes to the following conclusions: 1. The dialectical principle does not allow the formation of the concept of anti-value because it is the formation of value that results from development. 2. Considering anti-value as deprivation leads to its direct dependence on value, thereby excluding the autonomy of the former. 3. The analysis of anti-value as a condition also reveals its dependence on value. 4. The model of radical autonomy shows its inadequacy for the formation of a definition. 5. The dualistic approach not only does not solve the problem of defining anti-value but, on the contrary, causes even more problematic issues. 6. The existential approach reveals the redundancy, excessiveness, and groundlessness of introducing anti-value into the system.

Keywords: value, anti-value, binary opposition, autonomy, deprivation, dialectics, dualism, generic relationship, definition.

To cite:

Petev N.I. [The problem of defining and formation of anti-value: a methodological aspect]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofia. Psihologia. Sociologia* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2024, issue 4, pp. 516–526 (in Russian), <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2024-4-516-526>, EDN: XZRWZX

Введение

В современном обществе все больше наблюдается обращение к такому понятию, как антиценность. Статус данного понятия является спорным, поэтому использование термина «феномен» является условным. Одной из главных проблем является не только дефиниция данного явления, но и установление ряда феноменов, которые могут подпадать под данную категорию. В информационном пространстве, в частности в сети Интернет, все больше появляется статей, видеоматериалов и т.д. с темами «25

примеров антиценностей» [25 примеров..., электр. ресурс], «Антиценности: характеристики, примеры и последствия» [Антиценности..., электр. ресурс] или «Что такое антиценность с примерами». Примечательно, что содержание подобного контента дублируется на разных ресурсах, а иногда и информация в них идентична. Вопрос авторитетности возникает не только в рамках анализа содержания подобного материала, но и при обращении к литературе/источникам, на которые опираются его авторы. Данные работы базируются на материалах, связанных с коучингами и психотренингами,

которые применяются представителями «прикладной психологии» (особенно НЛП). Их отличительными чертами являются дидактизм, схоластичность, догматизм, синкретизм и эклектика.

Антиценности также являются объектом академического внимания в различных областях знания. Существуют работы, посвященные филологическим изысканиям антиценностных категорий [Криворучко И.С., 2023]. Наличествуют работы, которые анализируют феномен антиценности в художественной литературе [Georgieva-Teneva O., 2022], а также в сфере эстетического, в частности комичного [Бочкарев А.И., 2021]. Кроме того, стоит указать на исследования антиценности в области медиадискурса [Prisyazhnyuk T., Zilova E., 2014]. Однако в работах отсутствует дефиниция антиценности, т.е. конкретное определение содержания, которое раскроет ее качества, особенности, специфику, а также установит критерий установления для феномена данного статуса. Можно также отметить присутствующее отождествление антиценности с оценкой или отрицательной ценностью. В последнем случае определение латентно присутствует как элемент бинарной оппозиции, т.е. оно устанавливается через свою противоположность — ценность. Хотя это логически верный и простейший способ, но он мало что сказывает об антиценности, ее специфике и характерных чертах.

В философии существует множество определений понятия «ценность». Ценностями называют невербализуемые, «атомарные» составляющие наиболее глубинного слоя интенциональной структуры личности, которые конституируют ее внутренний мир как «уникально-субъективное бытие» [Шохин В.К., 2001, с. 535–536]. Данное понятие может быть использовано для указания на человеческое, социальное и культурное значение определенных явлений действительности [Философский энциклопедический словарь, 1983, с. 765]. Таким образом, любое явление может стать предметом оценки с точки зрения таких бинарных категорий, как добро и зло, справедливость и несправедливость, истина и ложь и т.д. Еще одно определение ценностей — особое качество, которое связано с объектами и субъектами, и характеризует их единственность, единство, а также их место во всеобщей взаимосвязи [Мат-

веев П.Е., 2004, с. 16]. Хайдеггер М. отмечал, что характеристика чего-то как «ценности» лишает так оцененное его достоинства [Хайдеггер М., 1988]. Таким образом, определение чего-либо как ценности представляет собой процесс субъективизации и, соответственно, редукции онтологической самости предмета/явления.

Ницше Ф. указывал, что ценность может определяться тем, что за нее дают, т.е. тем, во что она нам обходится [Ницше Ф., 2014, с. 99–100]. Гоббс Т. писал о том, что люди не считают за благо то, что не дает преимущества и не выделяет среди других [Гоббс Т., 2001, с. 82]. Таким образом, если что-либо не соответствует данному требованию, то оно теряет свое аксиологическое содержание. Хотя, конечно, необходимо разделять такие понятия, как цена, оценка и ценность. Некоторые авторы отождествляют, сливают воедино оценку и ценность [Анисимов С.Ф., 2001, с. 14–15]. Другие, наоборот, проводят строгую демаркацию ценности и цены (стоимости) и оценки [Матвеев П.Е., 2004, с. 27]. В целом же, необходимо согласиться с тем, что понятие «ценность» имеет широкий диапазон трактовок. Таким образом, понятие ценности, а точнее, внутреннее содержание и дефиниция, зависит от определенной философской школы, конкретного исследователя, временного периода и иных объективно-субъективных факторов.

В качестве рабочего понятия антиценности возьмем следующее: антиценности — это не природные, а социальные явления, связанные с межличностными отношениями, отношениями в социуме, и они есть явления материальные, хотя и связанные с духовными отклонениями отдельных личностей и сообществ, организаций людей [Кулаева З.Т., 2018, с. 93]. Такая формулировка была взята по причине того, что именно такое понимание антиценности доминирует в популяризированных материалах в различных (особенно не профильных) источниках, в частности в сети Интернет. Могут быть инварианты такой дефиниции, но внутреннее содержание аналогично. Явления и факторы, которые подпадают под эту категорию, рассматриваются как катализаторы деградации человека и общества. Они носят антисоциальный, антигуманный, а также контркультурный характер.

Этимология слова «антиценность» происходит от сочетания др.-греч. слова *ἀξία* (пер. цена, стоимость, оценка, ценность, достоинство, возмещение, звание, положение и т.д.) и префикса *ἀντι* (это слово может переводиться как «вместо», «ради», «наравне», «подобно», «как», «в обмен на», «сравнительно с», «по отношению к», «кроме», «помимо» и т.д.), который придает значение противоположности, враждебности, противодействия, взаимности, замещения, равенства или подобия. Таким образом, возникает поливариантность трактовок, которые зависят от передаваемой информации и конкретного контекста, образующихся при сочетании данных лингвистических единиц. Но в вышеуказанной и наиболее распространенной трактовке понятия антиценности префикс «анти» является определяющим, т.е. категоричным предикатом содержания. При этом такое определение имеет однозначный, радикальный и репрессивный характер, устанавливающий догматический статус. Подобное не просто не требует рассмотрения и анализа, а поставляет однозначность принятия, т.к. более глубокое исследование может вскрыть недостатки и несостоятельность вышеуказанной категоричной риторики.

Диалектический подход и антиценность как лишенность

При исследовании антиценностей можно подойти к проблеме с нескольких точек зрения. Можно рассмотреть их как наличествующие только в рамках бинарной оппозиции с ценностями, т.е. в рамках диалектического взаимоотношения. Такая дуальность предполагает, что оба компонента необходимы для восхождения к высшему (к гегелевскому примирению в едином, т.е. снятию противоречия), но и устанавливает, что как конкретная ценность, так и антиценность являются предметами одного конкретного, а именно, ценностного ряда. Таким образом, антиценность может представлять ту же ценность, но с отрицательным вектором. Такой подход не может в полной мере дать нам представление об этом явлении, т.к. он имеет зависимость от своей оппозиции.

Если же искусственно ввести оппозицию «ценность – антиценность» в гегелевскую триаду, то сразу же выходит на свет ряд противоречий. Во-первых, если установить, что ценность (тезис) и антиценность (антитезис) нахо-

дятся в противоречивом отношении, то возникает вопрос, что будет их единством (синтезом). По аналогии с Гегелем можно установить, что таким третьим может быть «наличная ценность». В его философии «наличное бытие» есть единство бытия и ничто, в отношениях которых исчезло противоречие [Гегель Г.В.Ф., 2022, с. 188–189]. Но становление как предшествующая ступень не подходит в данном случае, т.к. ценность и антиценность будут лишь исчезающими моментами. Оно никаким образом не может указывать на автономию антиценности. «Наличная ценность», по сути, будет ценностью, т.е. определенной сущей, аналогично качеству. Так или иначе, на первый план выходит более конкретизированное понятие ценности, но не антиценности. Иными словами, происходит утверждение именно ценности. Во-вторых, если брать вышеуказанную аналогию бытия и ничто, то ценность и антиценность будут самыми бедными и абстрактными определениями, при этом тождественными друг другу (бытие есть ничто, как и ничто есть бытие). Лишь только последующее движение позволяет установить более конкретный характер, при этом в парадигме развития категории «ценность». Последующие уточнения девальвируют автономию антиценности, что усложняет ее дальнейшее определение. В-третьих, сам принцип диалектики предполагает, что результат должен быть положительным, а любые отрицания должны быть сняты. Но по своему содержанию антиценности — это нечто, что ценностям противоположно, отрицает их и даже уничтожает. Таким образом, диалектика, в частности Гегеля, не может установить собственно аксиологическое содержание для антиценности в соотношении с категорией ценности. Хотя это не исключает того, что первое может быть рассмотрено в своем развитии отдельно. Но даже при таком положении вещей данная категория исключается из аксиологического поля и возникает вопрос гносеологической полезности и необходимости подобной операции.

Другой подход предполагает, что антиценность есть некое состояние/явление лишения. Еще Аристотель отмечал, что лишенностью может быть тогда, когда либо у нечто насильственно отнимается нечто (свойственное от природы), либо нет равенства или наличествует

недостаток, либо некоторые это имеют (от природы), но у этого конкретного нечто этого нет [Аристотель, 2016, с. 162–164]. Таким образом, антиценность — это отсутствие или недостаток ценности. Такое положение вещей схоже с пониманием о зле, которое распространено как в религиозной традиции, начиная с периода средневековой философии, так и поддерживается этиками, в том числе современными. В данной работе не рассматриваются все формы зла, т.к. классификация и дефиниция в настоящее время являются дискуссионными, и подобный анализ потребует большего объема работы или даже отдельного исследования. А.П. Скрипник указывает на то, что именно понятие зла в религиях как лишения спасения сильно повлияло в последующем на многих этиков [Скрипник А.П., 2001, с. 154–155]. Однако в таком случае мы не только не можем постановить самостоятельность антиценностей, но и вынуждены, как минимум, признать их зависимость от некоего содержательного феномена, т.е. от ценностей. Ценность в такой парадигме может существовать без антиценности, а вот последнее без первого — нет. Определение антиценности в данном случае также зависит от того, маркером отсутствия чего они являются.

Антиценность как условие, пропорциональность и подход радикальной автономии

Можно постановить, что антиценности являются не следствиями (т.е. результатом или продуктом действий, носящих аксиологически деструктивный характер), а лишь условием вообще. Так, Г.В. Лейбниц указывал, что грех не является наказанием за совершенное зло, но лишь его следствие [Лейбниц Г.В., 1989, с. 213]. Порок является новым условием, в частности будущего потенциального наилучшего, и только поэтому допускается [Лейбниц Г.В., 1989, с. 290]. Подобное положение вещей определяется телеологией данного философа — созданием теодицеи и обоснованием причины существования зла. Можно предположить, что антиценность является тем условием, при котором вообще возможна реализация ценности. Первая при этом не только гетерономна, но и является лишь средством, но не целью. Таким образом, антиценность есть лишь инструмент, который не имеет значения без

возможности применения. Хорошо известны выражения, отражающие вторичный (нивелированный) характер явления или действия (как инструмента): «Ложь во спасение», «Меньше знаешь — крепче спишь», «Средства всегда будут считаться достойными» и т.д. Последнее получило широкое распространение в рамках политической философии. Н. Макиавелли указывал, что государь может отходить от добра ради цели (сохранения государства), а также не чураться зла [Макиавелли Н., 2007, с. 90–91, 100–101, 108]. Т. Гоббс отмечал, что как для обеспечения мира, так и самосохранения подходят все средства. Более того, кто с ясностью выражает право на цель, тот ясно заявляет, что не отказывается от права на средства для ее достижения [Гоббс Т., 2001, с. 120].

Но иезуитская этика, которая ставит цель выше средств ради достижения эфемерного «блага», способна оправдать любое насилие, разрушение, геноцид, расовое превосходство, религиозную нетерпимость и т.д., что не раз имело место в истории. Подобный путь рассуждения в попытке дать дефиницию не может быть рабочим не по причине широкого диапазона деструктивных тенденций ради потенциального (возможно никогда не осуществимого) блага, а в виду отсутствия изначальной автономии исследуемого феномена. Потенциальность, возведенная в форму неизбежности и необходимости, могла бы стать почвой для установления исключительности антиценности, но подобное будет иметь спекулятивный характер. Кроме того, она должна даже в этом случае порождать анти-ценностные результаты, образовывая собственную область, но не ценностные.

Также возникает проблемный момент, связанный с определением недостаточности ценности для возникновения аксиологического дефицита. Какой степенной характеристикой должна она обладать, чтобы появилась антиценность? Или, возможно, можно говорить об этом в процентном соотношении? Какова та граница (точка ценностного дефицита), перейдя которую инициируется феномен антиценности? Погоня за пропорциями, степенями и математическим исчислением свойственна человеку, особенно в рамках мелкобуржуазной философии. Р. Барт указывал, что для этой философии свойственно делать мир соразмерным коммерции и избегать качественных ценностей, отда-

вая приоритет количественным [Барт Р., 2008, с. 150]. Такое редуцирование не только обмирщает содержание понятия «ценность», но и нисколько не способствует пониманию феномена антиценности (даже в рамках концепции дефиниции второй как недостатка первой).

Сама концепция пропорциональности ставит проблему определения антиценности. Еще Аристотель отмечал, что по сравнению с бóльшим, меньшее зло подпадает под определение блага. Меньшее зло предпочтительнее, а что предпочтительнее, то и благо, при этом, чем выше степень этого предпочтения, тем большее это благо [Аристотель, 1983, с. 152]. В данном случае влияет субъективный аспект на определение степени феномена и последующий выбор, и не всегда у всех людей он единодушен. Под категорию «меньшего зла» могут подпасть такие поступки, как убийство, массовый геноцид, тотальное уничтожение, т.к. они меньшее зло (т.е. благо), дабы избежать то, что имеет статус большего зла. В истории человечества существует масса таких примеров. В противовес принципу меньшего зла можно указать на английскую поговорку «Из двух зол выбирать не стоит». Но в объективной (материальной) реальности не всегда представляется такая возможность. Пассивность и бездействие могут быть причастны становлению зла, которое в последующем будет воздействовать на того, кто не совершил выбор. Определенная моральная ситуация — это единичный и единственный момент, который обладает своими специфическими особенностями. К нему трудно применить схему, принцип пропорции, алгоритм и т.д. и ожидать один и тот же результат (за исключением идеалистических подходов к данному вопросу). Если же трудно определить степень такой ценности как добро или благо, то еще бóльшая сложность возникает при подобной операции в отношении антиценностей.

Еще один подход (радикальный) связан с установлением статуса категоричной автономии для антиценности. Он исключает специфику диалектического взаимодействия ценности и ее предполагаемого антагониста, образуя иное их отношение. Можно предположить, что антиценности — это явления совершенно иного ряда, нежели ценности. Несомненным является то, что феномены эстетического, этического, религиозного и прочих рядов хотя и связаны в

общей онтологической картине мире, но не предполагают полной контаминации. То, что обладает красотой, не предполагает обязательного обладания добром, т.е. отсутствует тождество морального и эстетического (кроме философских систем, которые такое смешение предполагают). Дабы избежать натуралистической ошибки, которую выявил еще Дж. Мур [Мур Дж.Э., 1984, с. 67–68, 100–102, 123], можно установить, что антиценность — это специфическое качество вещи или явления. При этом она может быть или мета-качеством, если мы будем рассматривать антиценность с точки зрения идеализма, признавая объективное ее наличествование, или считать привнесенным, т.е. субъективным, связанным с личной оценкой, как определение значения для конкретного индивида, группы, сообщества и т.д. Можно установить автономию антиценности как специфического качества, наличие которого в обоих случаях может зависеть от внешних (ситуация, время, место и т.д.) и субъективированных (от конкретного индивида) факторов. Тогда возможно предположить, что в рамках локально-темпоральных изменений вещь/явление может иметь или одновременное наличие как ценности, так и антиценности (одним индивидом феномен оценивается положительно в аксиологическом аспекте, другим — отрицательно), или поочередную их смену. Становится возможным предположить индифферентное отношение антиценностей к ценностям (они становятся отчужденными друг от друга). В таком случае первая не является феноменом ценностного ряда, а потому не только исключается доминирующая легитимность аксиологического содержания, но и употребление термина «антиценность» является ошибочным и неправомерным. При таком положении вещей необходим иной термин для обозначения данного явления. Но в данном случае возникает сложность в его установлении, т.к. отсутствует конкретная дефиниция, отражающая содержание «антиценности» как автономного явления без обращения к понятиям ценности.

Если же признается взаимоотношение ценности и ее оппозиции, тогда необходимо постановить, что обе эти стороны относятся к одному ряду феноменов, например, в рамках логического родовидового соотношения. Таким образом, ценности можно признать родом, а ан-

тиценности, содержащиеся в нем, — видом. Последние в итоге будут ценностью (видом, содержащимся в ней), но никоим образом не чем-то выходящим во вне и автономным. Дефиниция антиценности в таком случае должна идти путем формирования понятия от своего рода, указывая видовые особенности.

Дуалистический подход и экзистенциальная парадигма

Стоит отметить, что дуалистический подход, как, например, дуализм Р. Декарта, также не будет иметь успеха в формировании понятия антиценности в парадигме отношений с ценностью. Условно устанавливая для них субстанциональный статус, также категорически отделяем их по их сущности, качеству, проявлению и т.д. Возникающая проблема «изоляции» может быть решена введением единого источника, как это сделал Р. Декарт, установив Бога объединяющим фактором протяженной и мыслящей субстанции. Возникает вопрос о том, что должно быть этим источником. Несомненно, что таким источником можно определить Бога. Но тогда возникает противоречие: как Он, благой, является источником «антиценности». Или, если идти дальше: в рамках сферы религиозных ценностей, будучи не ограничиваемым, Сам должен быть также «антиценностью». Подобное движение рассуждений может привести к новой (аксиологической) теодицее. Если место Бога займут разум, логика, поступки или иные антропоморфные качества и действия, то это также не решает проблему, т.к. в данном случае субъективный и казуальный моменты будут играть важную роль. Кроме того, при вышесказанных рассуждениях существует большая вероятность, в частности для удобства, возвращения к понятию ценности при поиске определения и содержания «антиценности» как определенного фактора. Но самое важное, несомненно, заключается в том, что субстанция является первопричиной, и ей приписывается свобода дефиниции себя лишь посредством самой себя, а данное качество не установлено для антиценности изначально, т.к. ее определение происходит из понятия ценности.

Более простой вариант формулировки можно получить, если рассматривать антиценность как оценку или значение для индивида, т.е. с субъективной точки зрения. Учитывая, что

каждый индивид определяет обе позиции по своим ощущениям (иногда интуитивно, ситуативно и казуально), то исчезает необходимость строгого определения, демаркации ценности и антиценности, установления взаимосвязи между ними и т.д. Но такой ницшеанский курс на ценностную пролиферацию как в теории, так и на практике вызовет множество сложностей, в частности при столкновении различных субъективных комплексов «ценностей-антиценностей» между собой.

Таким образом, в рамках формирования определения антиценности эффективным является ее установление как элемента взаимоотношения с ценностью в рамках одной общей для них системы (например, в рамках их общеродовой принадлежности) или как специфического качества (мета-качества). В таком случае оба элемента взаимоотношений являются ценностями: ценность как положительная ценность, антиценность как отрицательная ценность. Тогда слово «отрицательная» номинально и введено для обозначения ценностей, противоречащих по содержанию положительным [Матвеев П.Е., 2004, с. 61]. Естественно, также остается возможность догматичного и спекулятивного установления автономности такого понятия, как антиценность, но это вызывает ряд проблемных моментов.

Стоит указать, что Ж.-П. Сартр отмечал, что ценность имеет особое значение для формирования конституированного «для-себя». Ценность им рассматривается как недостижимое недостатками, а не недостающее, и она рассматривается как то, ради чего для-себя является [Сартр Ж.-П., 2020, с. 210]. Это последнее определяет взаимоотношение с миром и с собой. В частности, Сартр противопоставляет «в-себе» и «для-себя», где второе можно рассматривать, собственно, как свободу, а первое — как ее отрицание. Более того, ценность дается «для-себя» в «полупрозрачности», как конкретный смысл недостатка, который и формирует настоящее бытие [Сартр Ж.-П., 2020, с. 212]. «Для-себя» есть момент выхода, в рамках которого возможна встреча с «Другим», которое также участвует в произведении «для-себя». Далее, Сартр отмечает, что рефлексивное сознание не может появиться, не раскрывая тут же ценность [Сартр Ж.-П., 2020, с. 213]. Таким образом, ценность выступает важным фактором

экзистенции индивида. Возникает справедливый вопрос, каково значение антиценности в подобной парадигме. Самым простым и эффективным способом для обеспечения прочного фундамента данного феномена в этой системе будет наделить его тождественным ценности аксиологическим статусом. Но подобное имеет характер внешнего и акцидентного присоединения, т.к. антиценность в своем автономном определении характеризуется как противоположность/отрицание ценности. Единственным возможным вариантом синтеза в данном случае является определение антиценности как ценности в отрицательной форме (отрицательная ценность) наравне с положительной. Таким образом, хоть и решается вопрос о вхождении антиценности в вышеуказанную онтологическую структуру, но ликвидируется ее самостоятельность, т.к. она остается ценностью.

Можно также указать альтернативный вариант, который может установить автономию антиценности. Он заключается в том, чтобы раскрыть последнюю как самостоятельную структуру, стоящую «рядом» с ценностью. При таком положении вещей устанавливается некая структурная альтернатива, но вместе с тем полностью отличающаяся от ценности. Установление любой связи между ними будет лишь внешней, а потому не содержащей внутренних взаимоотношений, т.е. взаимного отрицания. В таком случае снова исключается антиценность из аксиологической области, хотя также легитимируется ее автономия в иной области, и само понятие «антиценность» в таком случае будет пустым, ибо его содержание будет заполнено любым иным содержанием, кроме ценностного.

Даже если применить эклектичный подход и предположить взаимоотношение ценности и антиценности в рамках аксиологической сферы, соответственно, игнорируя логическую связь, а также непоследовательность и несостоятельность подобного единения, то это также приводит к ряду затруднений. Первое из них предполагает отнесение данного феномена к «в-себе» или «для-себя». Антиценности не могут быть включены в структуру «в-себе». Дело в том, что оно преисполнено собственным, оно излишне, абсолютно положительно и не знает изменений [Сартр Ж.-П., 2020, с. 65–66]. Оно есть абсолютное тождество с собой, синтез себя с собой. Таким образом, «в-себе» не требует

чего-то вне себя. Оно не способно не быть бытием того, чем оно не является (не есть) [Сартр Ж.-П., 2020, с. 66]. Антиценность, в свою очередь, предполагает отрицательность и отношение с внешним, что вне себя, в том числе с ценностью (при условии их демаркации). Тогда она должна присутствовать в структуре «для-себя». В данном случае не имеет необходимости обращаться к структуре «для-другого», т.к. выше была установлена сфера, где наличествует ценность — «для-себя». Несостоятельность присутствия «в-себе» была указана с целью исключения предположения антиценности как некой предустановки.

Антиценность должна иметь антагонистичный (отрицающий) характер ценности. Таким образом, если «анти» является указанием на ничтожащий характер исследуемого феномена, то необходимо, чтобы антиценность была отрицанием. Однако сама ценность в данной системе носит характер отрицания. В такой парадигме отрицание отрицания вело бы к устранению того, чего не достает, и наличествовало возвращение «в-себя». А это, по сути, регресс к полному тождеству и изолированности. Антиценности по своему определению не обладают подобными характеристиками. Они же не являются дальнейшим развитием «для-себя», т.к. в данной структуре выявляется иной элемент — возможность. «Для-себя» не может возникнуть, если не преследуемо ценностью и не спроектировано на свои возможности [Сартр Ж.-П., 2020, с. 214–215]. Таким образом, в данной системе можно наблюдать чрезмерность и несостоятельность исследуемого феномена.

Стоит указать, что ложь как явление часто относят к антиценностям. Вместе с тем, Ж.-П. Сартр четко разграничивает ложь и самообман. Если ложь предполагает направленность во вне, т.е. действие трансцендентное, то самообман — действие, направленное не к внешнему, а к самому себе [Сартр Ж.-П., 2020, с. 137–139]. Последнее есть действие изолированное («в-себе»). Самообман является более деструктивным в парадигме экзистенции, чем феномен лжи. Кроме того, если ценность есть отрыв своего бытия «к...» [Сартр Ж.-П., 2020, с. 209], то антиценность должна иметь иной «вектор» (модус), т.е. либо «от...», либо реверсивное «назад к...» / «до...». В данном случае возникают все те же изоляция и герметизм. Кроме то-

го, если ценность есть бытие вне бытия, обладающее бытием и значением для смысла бытия, то антагонистичный характер антиценности должен иметь обратное значение. Но ее нельзя поставить «внутри бытия», нельзя отрицать значение для смысла и отрицать обладание бытием: мы либо девальвируем ее в бытие вообще, либо отнимаем смысловую нагрузку, либо отрицаем обладание собственным бытием. Все это приводит к путанице и лишнему нагромождению, что не приблизит к формированию «антиценности» как автономного феномена.

Результаты

Диалектический подход позволяет определить понятие ценности, но не антиценности в парадигме оппозиции и последующего разрешения (синтеза). Постоянное восхождение к конкретному будет осуществляться в рамках дефиниции ценности. Кроме того, принцип устранения противоположностей и установления положительного результата не позволяют дать определение антиценности. Существует теоретическая возможность рассмотрения антиценности в рамках собственного, автономного развития, но уже вне аксиологической парадигмы, т.е. изолированно от ценности. Подход, который предполагает, что антиценность есть лишенность, также не позволят добиться дефиниции. Дело в том, что лишенность указывает лишь на недостаток или нехватку ценности. При таком положении вещей невозможно установление автономии для антиценности, она, как и ее определение, зависит от ценности. Антиценность в данном случае лишь маркер того, что отсутствует.

Можно рассмотреть антиценность как условие, в частности для становления и реализации ценности. Первая, соответственно, гетерономна, и поэтому является лишь средством. Антиценность не имеет значения без возможности применения. Концепция пропорциональности или аксиологического дефицита открывает проблему перехода ценности в антиценность, при этом не давая возможности дефиниции. В целом, невозможно и некорректно применение степени не только для формирования понятия антиценности, но и ценности. Подход радикальной автономии антиценности предполагает, что она является некоторым качеством определенного предмета или явления. Учитывая изолированность антиценности, ее отноше-

ние к ценности будет индифферентно. Подобное положение вещей предполагает, что антиценность не только исключается из сферы аксиологического, но и сам термин «антиценность» не будет адекватным и корректным для определения данного феномена.

Дуалистичный подход приводит к радикальному отделению и изоляции ценности и антиценности. Введение единого источника не только не решает проблему дефиниции, но и может привести к казуальному и субъективному характеру определения антиценности. Кроме того, для удобства может существовать тенденция обращения к ценности для формирования определения ее противоположности. Также невозможно установить субстанциональный характер антиценности. Экзистенциальная парадигма вскрывает тот факт, что введение категории антиценности излишне, напоминает лишнюю надстройку, чей системный функционал сомнителен и необоснован.

Список литературы

- 25 примеров антиценностей. URL: <https://ru.kouraresidence.com/25-ejemplos-de-antivalores-1195> (дата обращения: 04.03.2024).
- Анисимов С.Ф. Введение в аксиологию: учеб. пособие. М.: Соврем. тетради, 2001. 128 с.
- Антиценности: характеристики, примеры и последствия. URL: <https://ru1.warbletoncouncil.org/antivalores-648> (дата обращения: 04.03.2024).
- Аристотель. Метафизика / пер. с др.-греч. А.В. Кубицкого. М.: Эксмо, 2016. 448 с.
- Аристотель. Никомахова этика / пер. с др.-греч. Н.В. Брагинской // Аристотель. Сочинения: в 4 т. М.: Мысль, 1983. Т. 4. С. 53–293.
- Барт Р. Мифологии / пер. с фр., вступ. ст. и коммент. С.Н. Зенкина. М.: Академ. проект, 2008. 351 с.
- Бочкарев А.И. Основные высмеиваемые характеристики антиценностного концепта «Gluttony» (на материале англоязычных стендап-комедий и ситуационных комедий) // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2021. Т. 163, кн. 4–5. С. 109–118. DOI: <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2021.4-5.109-118>
- Гегель Г.В.Ф. Логика / пер. с нем. Н.Г. Дебольского. М.: АСТ, 2022. 448 с.
- Георгиева-Тенева О. Литературното образование и войната като антиценност // Bulgarski Ezik i Literatura. 2022. Vol. 64, no. 5S. P. 11–24. DOI: <https://doi.org/10.53656/bel2022-5-1-aogtlovka>

Гоббс Т. Философские основания учения о гражданине. Минск: Харвест; М.: АСТ, 2001. 304 с.

Криворучко И.С. Антиценностные категории англоязычных неологизмов деловой дискурсивной сферы // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2023. Т. 16, вып. 4. С. 1242–1247. DOI: <https://doi.org/10.30853/phil20230181>

Кулаева З.Т. Факторы формирования нравственных ценностей и антиценностей студенческой молодежи // KANT. 2018. № 2(27). С. 91–94.

Лейбниц Г.В. Опыты теодицеи о благости Божией, свободе человека и начале зла // Лейбниц Г.В. Сочинения: в 4 т. М.: Мысль, 1989. Т. 4. 556 с.

Макиавелли Н. Государь. Рассуждение о первой декаде Тита Ливия / пер. с ит. Г.Д. Муравьевой, Р.И. Хлодовского. СПб.: Азбука, 2007. 272 с.

Матвеев П.Е. Моральные Ценности. Владимир: Изд-во Владим. гос. ун-та, 2004. 190 с.

Мур Дж.Э. Принципы этики / пер. с англ. Л.В. Коноваловой. М.: Прогресс, 1984. 327 с.

Ницше Ф. Падение кумиров: Избранное: пер. с нем. СПб.: Лениздат, 2014. 224 с.

Сартр Ж.-П. Бытие и ничто / пер. с фр. В.И. Колядко. М.: АСТ, 2020. 1072 с.

Скрипник А.П. Зло // Этика: энциклопедический словарь / под ред. Р.Г. Апресяна, А.А. Гусейнова. М.: Гардарики, 2001. С. 154–156.

Философский энциклопедический словарь / под ред. Л.Ф. Ильичева и др. М.: Сов. энциклопедия, 1983. 840 с.

Хайдеггер М. Письмо о гуманизме / пер. с нем. В.В. Биbihина // Проблема человека в западной философии: сб. переводов / сост. П.С. Гуревич; под общ. ред. Ю.Н. Попова. М.: Прогресс, 1988. С. 314–356.

Шохин В.К. Ценность // Этика: энциклопедический словарь / под ред. Р.Г. Апресяна, А.А. Гусейнова. М.: Гардарики, 2001. С. 535–539.

Prisyazhnyuk T., Zilova E. Media Discourse in the Context of Values Study // CBU International Conference Proceedings. 2014. Vol. 2. P. 246–250. DOI: <https://doi.org/10.12955/cbup.v2.471>

References

25 primerov antitsennostey [25 examples of anti-values]. Available at: <https://ru.kouraresidence.com/25-ejemplos-de-antivalores-1195> (accessed 04.03.2024).

Anisimov, S.F. (2001). *Vvedenie v aksiologiyu* [An introduction to axiology]. Moscow: Sovremennye Tetradi Publ., 128 p.

Antitsennosti: kharakteristiki, primery i posledstviya [Anti-values: characteristics, examples and consequences]. Available at: <https://ru1.warbletoncouncil.org/antivalores-648> (accessed 04.03.2024).

Aristotle (1983). [Nicomachean Ethics]. *Aristotel' . Sochineniya: v 4 t.* [Aristotle. Works: in 4 vols]. Moscow: Mysl' Publ., vol. 4, pp. 53–293.

Aristotle (2016). *Metafizika* [Metaphysics]. Moscow: Eksmo Publ., 448 p.

Barthes, R. (2008). *Mifologii* [Mythology]. Moscow: Akademicheskii Proekt Publ., 351 p.

Bochkarev, A.I. (2021). [The main humorous characteristics of the anti-value concept of Gluttony (based on English-language stand-up and situation comedies)]. *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki* [Proceedings of Kazan University. Humanities Series]. Vol. 163, book 4-5, pp. 109–118. DOI: <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2021.4-5.109-118>

Georgieva-Teneva, O. (2022). [Literary Education and War as a Civil Anti-value]. *Bulgarski ezik i literatura* [Bulgarian language and literature]. Vol. 64, no. 5S, pp. 11–24. DOI: <https://doi.org/10.53656/bel2022-5-1-aogtlovka>

Hegel, G. (2022). *Logika* [Logic]. Moscow: AST Publ., 448 p.

Heidegger, M. (1988). [Letter on humanism]. *Problema cheloveka v zapadnoy filosofii: sb. perevodov, sost. P.S. Gurevich, pod obsh. red. Yu.N. Popova* [P.S. Gurevich, Yu.N. Popov (ed.) The problem of man in Western philosophy: collection of translations]. Moscow: Progress Publ., pp. 314–356.

Hobbes, T. (2001). *Filosofskie osnovaniya ucheniya o grazhdanine* [The philosophical foundations of the doctrine of the citizen]. Minsk: Kharvest Publ., Moscow: AST Publ., 304 p.

Il'ichev, L.F. et al. (ed.) (1983). *Filosofskiy entsiklopedicheskiy slovar'* [Philosophical encyclopedic dictionary]. Moscow: Sovetskaya Entsiklopediya Publ., 840 p.

Krivoruchko, I.S. (2023). [Anti-value categories of English-language neologisms of the business discursive sphere]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philology. Theory & Practice]. Vol. 16, iss. 4, pp. 1242–1247. DOI: <https://doi.org/10.30853/phil20230181>

Kulaeva, Z.T. (2018). [Factors of formation of moral values and anti-states of student youth]. *KANT*. Vol. 2(27), pp. 91–94.

Leibnitz, G.V. (1989). [Theodicy Essays on the Goodness of God, the Freedom of Man and the Origin of Evil]. *Leybnits G.V. Sochineniya: v 4 t.* [Leibnitz G.V. Works: in 4 vols]. Moscow: Mysl' Publ., vol. 4, 554 p.

Machiavelli, N. (2007). *Gosudar'.* *Rassuzhdenie o pervoy dekade Tita Liviya* [The sovereign. A discourse on the first decade of Titus Livius]. St. Petersburg: Azbuka Publ., 272 p.

Matveev, P.E. (2004). *Moral'nye tsennosti* [Moral values]. Vladimir: VSU Publ., 190 p.

Moore, G.E. (1984). *Printsipy etiki* [Principles of ethics]. Moscow: Progress Publ., 327 p.

Nietzsche, F. (2014). *Padenie kumirov: Izbrannoe* [Twilight of the Idols: Selected]. St. Petersburg: Lenizdat Publ., 224 p.

Prisyazhnyuk, T. and Zilova, E. (2014). Media discourse in the context of values study. *CBU International Conference Proceedings*. Vol. 2, pp. 246–250. DOI: <https://doi.org/10.12955/cbup.v2.471>

Sarte, J.-P. (2020). *Bytie i nichto* [Being and nothingness]. Moscow: AST Publ., 1072 p.

Shokhin, V.K. (2001). [Value]. *Etika: entsiklopedicheskiy slovar'*, pod red. R.G. Apresyana, A.A. Guseynova [R.G. Apresyan, A.A. Guseynov (eds.) Ethics: an encyclopedic dictionary]. Moscow: Gardariki Publ., pp. 535–539.

Skipnik, A.P. (2001). [Evil]. *Etika: entsiklopedicheskiy slovar'*, pod red. R.G. Apresyana, A.A. Guseynova [R.G. Apresyan, A.A. Guseynov (eds.) Ethics: an encyclopedic dictionary]. Moscow: Gardariki Publ., pp. 154–156.

Об авторе

Петев Николай Иванович

кандидат философских наук,
доцент кафедры философии и религиоведения

Владимирский государственный университет
им. А.Г. и Н.Г. Столетовых,
600000, Владимир, ул. Горького, 87;
e-mail: cyanideemo@mail.ru
ResearcherID: P-8342-2017

About the author

Nicolay I. Petev

Candidate of Philosophy, Associate Professor
of the Department of Philosophy and Religious Studies

Vladimir State University
named after Alexander and Nikolay Stoletovs,
87, Gorky st., Vladimir, 600000, Russia;
e-mail: cyanideemo@mail.ru
ResearcherID: P-8342-2017